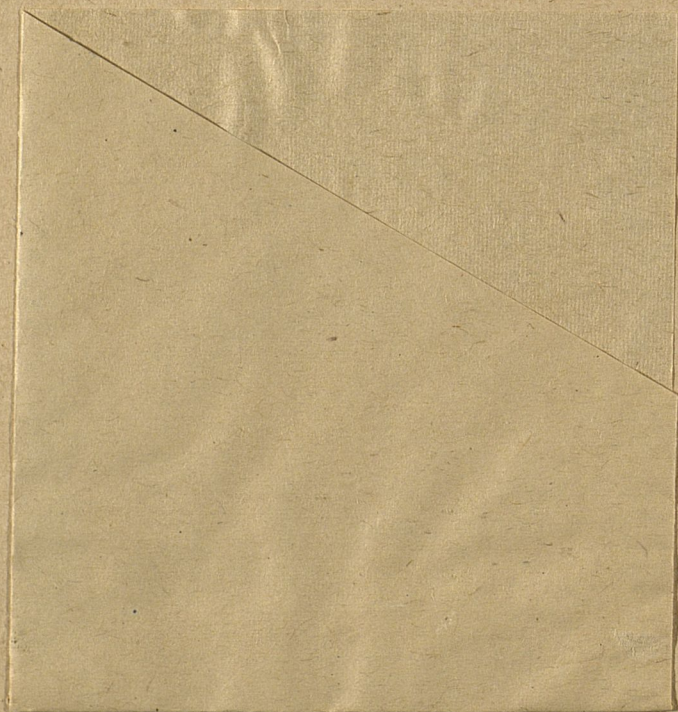

P $\frac{46}{724}$

1763

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

РѢЧЬ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

О

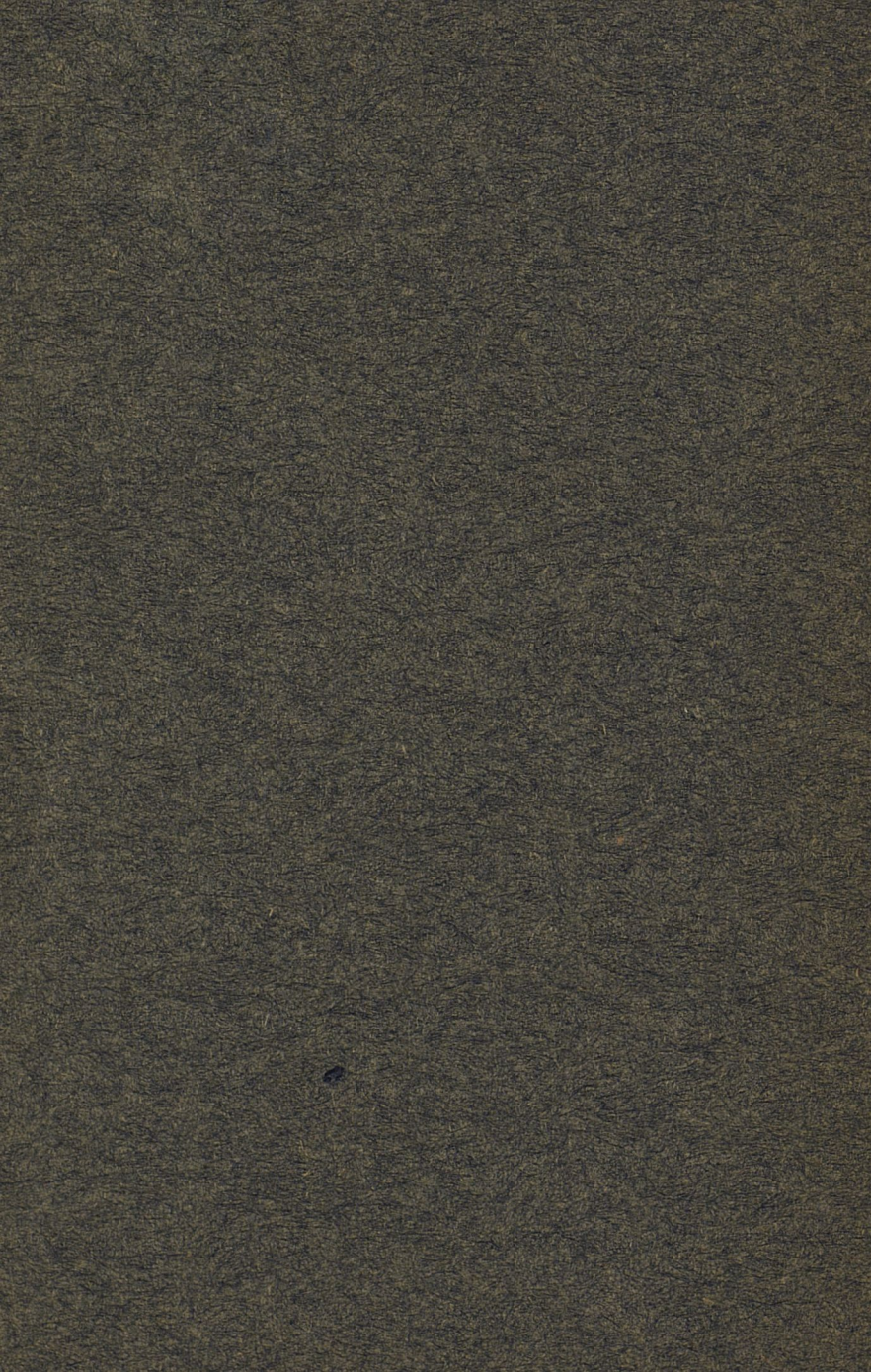
СТАРООБРЯДЧЕСТВѢ,

сказанная на общей конференціи

синода и сената.

15 сентября 1763 года.

Издано в Санктпетербургѣ у Кнѣзя Дѣлятина
при Братствѣ
Училищнаго Кнѣзя Гнѣздына

РѢЧЬ

Императрицы Екатерины Великой

О СТАРООБРЯДЧЕСТВѢ,

сказанная на общей конференціи синода и сената

15 сентября 1763 года.

Издание книгоиздательства Старообрядческаго Братства Честнаго и Животворящаго Креста Господня въ Москвѣ.

МОСКВА.

Тип. П. П. Рябушинскаго, Страстной бул., Путинковскій пер., соб. домъ.
1912.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

459-63

2007341406

Отъ издателей.

15-го мая 1722 г. русскій правительствующій синодъ издалъ слѣдующій указъ: „Которые хотя святѣй церкви повинуются и вся церковныя таинства приѣмлютъ, а крестъ на себѣ изображаютъ двумя персты, а не треперстнымъ сложеніемъ: тѣхъ, кои съ противнымъ мудрованіемъ, и которые хотя и по невѣжеству и отъ упорства то творять, о б ѣ и х ѣ п и с а т ь в ѣ р а с к о л ѣ н е в з и р а я н и н а ч т о“ (Собрание постановленій по части раскола, кн. I, стр. 35). Въ этомъ указѣ откровенно выражень взглядъ высшей церковной власти господствующей церкви на двоеперстное сложеніе. Оно считалось столь опаснымъ, въ такой степени еретичнымъ, что даже ни повинованіе церкви, ни принятіе всѣхъ церковныхъ таинствъ не спасало двоеперстниковъ отъ позорнаго клейма раскольниковъ. „Ни на что не взирая“, синодъ приказалъ записывать ихъ въ расколъ. Это былъ приговоръ почти смертный, такъ какъ „запись въ расколъ“ ставила двоеперстниковъ въ ужасающія условія жизни, обрекала ихъ на постоянныя преслѣдованія, тяжкія наказанія и даже на медленную смерть въ тюрьмѣ, ссылкѣ, или просто на висѣлицѣ и плахѣ. Синодъ въ своемъ походѣ противъ старообрядцевъ и вообще двоеперстниковъ до того забывалъ страхъ Божій и превосходилъ всякую мѣру строгости, что иногда государственная власть вынуждалась останавливать синодъ въ его антихристіанскомъ рвеніи. Къ такимъ воздѣйствіямъ свѣтской власти на духовную относится и знаменитая рѣчь императрицы Екатерины Великой, сказанная ею на общей конференціи (совѣщаніи) синода и сената 15 сентября 1763 г. Мудрая правитель-

ница Россіи заставила синодъ тогда же издать другой указъ о двоеперстникахъ, совершенно противоположный вышеприведенному, изданному синодомъ 15-го мая 1722 г. Съ новымъ своимъ указомъ синодъ, разумѣется, не былъ согласенъ, но у него не хватило смѣлости пойти противъ велѣній Великой повелительницы. Мудрая императрица по многимъ церковнымъ дѣламъ и вопросамъ заставляла синодъ, вопреки его желаній, идти за собой. „Власть синода,—говорится въ „Богословской энциклопедіи“,—была сильно ограничена Екатериной. Подъ давленіемъ свѣтской власти синодъ часто бывалъ вынужденъ измѣнять и уничтожать свои опредѣленія“ (т. V, стол. 339). Императрица Екатерина II любила проучить духовную власть, она говорила рѣчи въ самомъ синодѣ и въ лицо обвиняла духовенство въ „хищничествѣ“ (тамъ же, стол. 341). Въ своихъ выступленіяхъ противъ духовной власти и ея беззаконій Екатерина была прямолинейна, откровенна и даже рѣзка. Эти качества ея особенно ярко сказались въ знаменитой рѣчи ея, сказанной на конференціи синода и сената 15-го сентября 1763 г. Печатаемъ эту рѣчь полностью, какъ она воспроизведена по архивнымъ документамъ извѣстнымъ единовѣрческимъ священникомъ Іоанномъ Верховскимъ. Впервые рѣчь Екатерины была напечатана въ III т. „Историческихъ изслѣдованій, служащихъ къ оправданію старообрядцевъ“, В. М. Карловича. Отсюда мы ее и заимствуемъ.

Рѣчь императрицы Екатерины Великой о старообрядчествѣ,
сказанная на общей конференціи синода и сената 15 сентября
1763 года.

Преосвященные архипастыри и гг. сенаторы!

Въ русской имперіи, Промысломъ нашему управленію ввѣренной, издавна продолжается раздоръ и расколъ между архипастырями и народомъ. Я, насколько могла, старалась понять суть раздора и, надѣюсь, поняла удовлетворительно. Эта суть знакома ихъ преосвященствамъ, а вамъ, гг. сенаторы, мы постараемся ее объяснить. Не сейчасъ и не вчера, а какъ только я, по внушенію неба, почувствовала себя родною великому русскому народу и его скорби, и его радости, до глубины души огорчилась раздоромъ между архипастырями и народомъ, и положила на своемъ сердцѣ—истощить всѣ средства ко уврачеванію этой язвы, разъядающей государственный организмъ. Каждого изъ архипастырей и ученыхъ и духовныхъ разспрашивала я: изъ-за чего именно и какъ явилась и продолжается толико упорная съ обѣихъ сторонъ вражда, разспрашивала каждого и здѣсь присутствующихъ архипастырей. Отъ всѣхъ ихъ я выслушала слѣдующее: „Русская церковь отъ недостаточнаго общенія съ восточными патріархами въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ утратила правильность и чистоту своей обрядности; о паденіи нашемъ не сами мы, русскіе, догадались, а надумали насъ греческіе и кіевскіе отцы, примѣрно съ 1649 года пачавшіе наѣзжать на Москву. Первое изъ погрѣшностей, на которую они указывали съ наибольшимъ рвеніемъ со многими „зазираніями и осужденіями“, было сложеніе двухъ перстовъ для крестнаго знаменія. Знакомаясь далѣе съ нашими якобы паденіями, греческіе и кіевскіе отцы нашли еще нѣсколько обрядовыхъ разно-

стей. Прибавленіе слова „истиннаго“ къ слову „Господа“ въ символѣ вѣры, произношенія „Исусъ“ вмѣсто „Иисусъ“, двойное аллилуія вмѣсто троенія, хожденіе по солнцу вмѣсто хожденія противъ солнца, употребленіе на проскомидіи семи просфоръ вмѣсто пяти, печатаніе просфоръ круглою печатью вмѣсто квадратной, именованіе въ одной изъ молитвенныхъ пресловій Сыномъ Божиимъ, а не Богомъ“.

Гг. сенаторы! Вы сейчасъ встрѣчаете великую скорбь, яко бы къ небу вопіющія преступности нашей церкви противъ восточныхъ патріарховъ были причиною раскола. Что до насъ, то намъ припомнилось путешествіе Гуливера, попавшагося послѣ крушенія его корабля въ одну страну, такъ называемую „лиллипуты“, въ которой существуютъ люди величиною въ 3 или 4 вершка. „Народъ этой страны,—разсказываетъ Гуливеръ,— уже цѣлые вѣка подвергается страшному истязанію и смертельнымъ казнямъ за то, что онъ ослушивается опредѣленія верховной власти, чтобы разбить яйцо непременно съ остраго конца; если же кто разобьетъ съ тупого конца, тотъ безощадно попадетъ на колъ или костеръ“.

Итакъ, всѣ эти зазіранія и осужденія греческими и кіевскими отцами нашей отечественной обрядности, гг. сенаторы, и затѣмъ внутренніе запреты и проклятія, истязанія и казни не похожи ли на лиллипутскіе споры и междоусобія изъ-за того, съ котораго конца разбивать яйцо, и не суть ли они внушенія суетности, тщеславія и склонности греческихъ и кіевскихъ отцовъ учить и драть за ухо нашу отечественную церковь, а при этомъ обирать нашихъ царей и народъ, дескать, за науку, за яко бы спасительную для насъ проповѣдь, словомъ—показать намъ свое предъ нами яко бы превосходство и нашу въ нихъ яко бы необходимость. По моему, господа сенаторы,—продолжаетъ мудрая Екатерина,— государю Алексію Михайловичу слѣдовало бы всѣхъ этихъ греческихъ отцовъ выгнать изъ Москвы и навсегда запретить вѣздъ

въ Россію, чтобы они не имѣли возможности затѣвовать у насъ смуты, а кіевскихъ отцовъ просто разсылать по крѣпостямъ и монастырямъ на смиреніе. До сихъ поръ, господа сенаторы, все это, признаюсь, сначала возбуждало во мнѣ веселость. Но никакъ не допуская, чтобы человѣчество, нѣтъ—не только человѣчество, а христіанство, и сіе въ высшихъ нарочитыхъ его носителяхъ и представителяхъ, могло дозволить себѣ унизиться до такихъ безразсудныхъ размѣровъ, мы потребовали подлинныя дѣянія собора 1667 года, и намъ показали его соборный актъ отъ 13 мая, коимъ, какъ намъ объяснили, этотъ соборъ увѣнчалъ всѣ прежнія съ 1649 года начавшіяся зазіранія, осужденія, запреты и проклятія поименованныхъ обрядностей. Прочитывая этотъ злополучный актъ, мы натолкнулись на новую характерность, про которую отцы намъ не говорили. Вы уже знаете, что отцы съ проклятіями, запретами произносятъ Сыне Божій на такъ называемой молитвѣ ко Іисусу. Надѣюсь, вы поняли бессмысленность и преступность клятвы. Но это не все, а вотъ что мы еще вычитали въ этомъ актѣ. Отцы съ проклятіями запретили говорить „Сыне Божій“ только на соборѣ, т.-е. на церковныхъ, общественныхъ священнослуженіяхъ, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ предоставили свободѣ каждаго говорить: и „Боже нашъ“, и „Сыне Божій“. Стало быть, во всѣхъ этихъ остальныхъ случаяхъ и „Сыне Божій“ здѣсь въ этой молитвѣ находили Богу угоднымъ и спасительнымъ. Что же это такое? Признаюсь, господа, этотъ моментъ и этотъ актъ, и этотъ май, и это 13 число, и эти отцы въ представленіи моемъ приняли образъ чудовища, звѣря, адомъ, изрыгнутымъ на посрамленіе вѣры христіанской, на посрамленіе человѣчества!

Затѣмъ, гг. сенаторы, допрашивали мы преосвященныхъ архипастырей. Во всѣхъ осужденныхъ 13 мая сбрядовыхъ дѣйствіяхъ и чтеніяхъ есть ли какая противность или вѣрѣ христіанской, или канонамъ церкви, или интересамъ государства? Отъ всѣхъ мы получили

полное отрицаніе. Зачѣмъ же, допрашивала я отцовъ, зачѣмъ вы за эти клятвенные запреты стоите такъ упорно и азартно, что, напримѣръ, 15 мая 1722 года опредѣлили лишить церкви и таинствъ каждаго изъ православныхъ за то только, что онъ крестится двумя перстами? Вотъ, отвѣчаютъ, что это дѣлаютъ они по должному послушанію великому и святому собору 1667 года, положившему клятвенныя запрещенія на двуперстіе и крестящихся двуперстно съ такимъ подтвержденіемъ, что скорѣе весь чинъ природы разрушится, а клятвы эти пребудутъ неразрѣшены во вѣки вѣковъ, аминь!

Да, да, господа, я уже сказала, что читала этотъ злополучный актъ и подтверждаю, что ссылка на него отцовъ безупречна. Но что же въ этомъ, ежели и клятвы несправедливы и запреты безразсудны? Неправедная клятва не обращается ли на самихъ проклинателей? Всѣ эти клятвенные запреты ничтожныѣ для насъ комара: этотъ, по крайней мѣрѣ, ужалить можетъ, а безразсудныя клятвы? Что это, какъ не перебранка между собой базарныхъ торговцевъ, что это, какъ не лай собакъ на толпу проходящихъ! Да, гг. сенаторы, да, преосвященные отцы! Ежели есть въ Церкви Божіей праведная клятва, то по истинѣ стоитъ ея актъ 13 мая и составители его... Да, да, преосвященные отцы, въ этомъ вашемъ актѣ мы вотъ еще что вычитали во удостовѣреніе праведности и непреложности своихъ заклатій, именно: „аще же кто и умретъ во упрямствѣ своемъ, да будетъ и по смерти не прощенъ и не разрѣшенъ, и часть его и душа его съ Іудою предателемъ и со Аріемъ, и съ прочими безбожниками и еретиками. Каменіе и дрѣвеса да разрушатся и растлятся, а той и по смерти пребудетъ не прощенъ и не разрѣшенъ, яко тимпанъ во вѣки вѣковъ, аминь!“ Это, господа, значитъ, что тѣла умершихъ въ непокорствѣ отцамъ 13 мая до Страшнаго Суда не предадутся разложенію, что ихъ, какъ говорится, не будетъ принимать земля. Это отцы обѣщаютъ намъ во имя Великаго Бога.

Такъ ли, преосвященные отцы, поняли мы вашу соборный актъ 13 мая? (Молчаніе). Отчего же Богъ не послушалъ и не слушаетъ васъ, отчего не видали мы ни одного такого знаменія? Господа, слышали ли вы когда-нибудь, чтобы какого-нибудь старообрядца не приняла земля?

Преосвященные отцы! Давайте же намъ такое знаменіе, покажите намъ такія тѣlesa, или хотя одно такое тѣло покажите, или же откажитесь отъ своихъ клятвъ и запретовъ. Клятвы и запреты!—противъ чего? Противъ предметовъ не только безвинныхъ, не только честныхъ, богоугодныхъ и спасительныхъ, но даже болѣе осмысленныхъ и болѣе продуманныхъ, чѣмъ указано соборне. Тѣлесныя озлобленія и смертельныя казненія, кнутъ, плети, рѣзанія языковъ, дыбы, виски, встряски, висѣлицы, топоры, костры, срубы—и все это противъ кого? Противъ людей, которые желаютъ одного: остаться вѣрными вѣрѣ и обряду отцовъ! Преосвященные отцы! За что вамъ на нихъ такъ звѣрится и сатанинится? Есть ли у васъ хотя искра, хотя призракъ чело-вѣческаго чувства, совѣсти, смысла, страха Божія и страха людского? Святителей ли я вижу? Христіане ли предо мной звѣрятся и бѣснуются? Человѣки или звѣри устремляются предъ моими глазами на растерзаніе Христова стада и на колебаніе основъ Провидѣніемъ намъ ввѣренной матери?!

На дальнѣйшіе наши разспросы: въ правѣ ли и не обязаны ли св. синодъ и архипастыри исправить ошибки своихъ предшественниковъ, намъ отвѣчали приблизительно слѣдующее: Соборъ есть голосъ церкви, есть сама церковь, а церковь непогрѣшима. Узнаетъ народъ, что соборъ 1667 года погрѣшилъ, у него поколеблется вѣра въ свою церковь.

Ясно, господа сенаторы, что преосвященные отцы указываютъ намъ церковь не истинную, а ложную и лживую. Не ту Церковь, которая истинность своихъ соборовъ доказываетъ согласіемъ ихъ съ ученіемъ Христа

и апостоловъ, а ту, которая на слѣпой вѣрѣ народа въ соборъ мнить строить неправедность безразсудствъ, никому не дозволяя сомнѣваться въ достоинствѣ ея опредѣлений. Скажу яснѣе и прямѣе: не ту церковь, которая имѣетъ право исправлять ошибки своихъ перво-святителей, а ту, въ которой эти первосвятители не только не дозволяютъ никому обличать ихъ ошибки, но и принуждаютъ вѣровать въ эти ошибки, какъ во внушенія Бога. Но ни престоль, ни государство не могутъ быть крѣпки, стоя на лжи и обманѣ. Гг. сенаторы, преосвященные отцы! Я съ помощію Бога на всякомъ ихъ словѣ опровергала и стыдила. За всеѣмъ тѣмъ, на всеѣ наши предложенія исправить давнѣйшія погрѣшности, они въ этомъ намъ отказывали и отказываютъ. Вотъ, гг. правительствующій сенатъ, цѣль сегоднешней вашей конференціи съ св. синодомъ. Сегодня, при содѣйствіи вашемъ, мы надѣемся сломить его упрямство, а вы, гг. сенаторы, будете свидѣтелями предъ отечествомъ, что мѣры, кои мы на случай дальнѣйшаго упорства имѣемъ принять, вынуждены у насъ преосвященными отцами. Къ вамъ обращаюсь, св. синодъ, и вмѣстѣ съ симъ возвращаюсь къ вашему опредѣленію отъ 15 мая 1722 года. Спрашиваю: о мудрости ли, о просвѣщенности ли, о пастырности ли свидѣтельствуешь этотъ актъ? Удивляюсь вашему ослѣпленію: народъ валить въ церковь и, конечно, съ своимъ отъ отцовъ унаслѣдованнымъ двушерстіемъ, а архипастыри будто какъ злодѣевъ встрѣчаютъ его проклятіями и угрозами истязаній и казней. Кто же изъ васъ раскольники, кто злодѣи? Можемъ ли мы терпѣть это пятно, эту нечисть, этотъ позоръ на нашей императорской порфирѣ, на отечественной церкви, на ея іерархіи и, наконецъ, на васъ самихъ, преосвященные отцы? Хотя знаю, самая мысль разстаться съ этой нечистотою приводитъ васъ въ ужасъ и негодованіе! Не трогаю вашихъ ни запретовъ, ни проклятій: пусть они послѣдуютъ за вами и туда, гдѣ раздають ихъ по достоинству. Отвѣчайте, пре-

освященные отцы, согласны ли вы уступить русскому православному народу, уступить намъ только любезное двуперстіе? Согласны ли вы вашъ актъ отъ 15 мая открыто и явно замѣнить актомъ, ему противоположнымъ?

— Самодержавная государыня, великая мать отечества!—въ одинъ голосъ отвѣчаютъ члены синода.—Святая церковь непогрѣшима, а соборъ—ея голосъ. Великій святыи соборъ изрекъ клятвенное запрещеніе на двуперстіе, это изрекла сама церковь; вѣруемъ во Христа, вѣруемъ и въ Его Церковь. Твоя власть, великая государыня, надъ нашей жизнью, но жизнь наша—Христосъ и Его Церковь, за Христа и Его Церковь мы умереть готовы. Искорененіе двуперстія есть задача нашей жизни и нашего святительства. Дѣлай, государыня, что тебѣ угодно, но безъ насъ.

— Слышите, гг. сенаторы? — продолжаетъ мудрая Екатерина. — Слышите, какую хулу возводятъ архипастыри на Христа и Его Церковь, какую грязью бросаютъ они имъ прямо въ лицо, называя Тѣломъ Христа и Его Церкви блевотины своего изувѣрства? Знаю, преосвященные отцы, что Церковь святая непогрѣшима, а соборы суть ея голосъ. Но не могутъ же быть святыми соборы разбойническіе? Таковъ по содержанию и послѣдствіямъ соборъ 1667 года. Не произношу суда надъ нимъ: судъ надъ соборами принадлежитъ Церкви и ея соборамъ. И соборъ 1667 года пусть будетъ святъ и непогрѣшимъ во всемъ остальномъ; но что касается до акта его отъ 13 мая, то это ничто иное, какъ изверженіе невѣжества, гордости, злобы, насильства и изувѣрства. Гг. сенаторы! Самъ св. синодъ, здѣсь, въ присутствіи вашемъ, признался, что его собственный актъ отъ 15 мая 1722 года есть родное дѣтище соборнаго акта 13 мая, есть точное отраженіе, отпечатокъ этого акта, а вы видѣли уже достоинство ихъ обоихъ. Пусть для членовъ синода, пусть для всѣхъ архипастырей и россійскихъ и греческихъ соборъ тотъ будетъ и великъ и святъ. Но намъ-то, императрицѣ русскаго на-

рода, какое дѣло до святости и великости собора, если постановленія его безумны? И не будемъ ли мы отвѣчать передъ исторіей и потомствомъ, и куда скроемся мы отъ собственной нашей совѣсти, если, противопоставивъ съ одной стороны несправедливость и безумство соборныхъ запретовъ и проклятій, а съ другой—справедливость, громадность и энергію протеста, — останемся среди нихъ безучастными и бездѣтельными? Актъ „великаго и святого“ собора съ проклятіями и угрозами истязаній повелѣваетъ мнѣ креститься непременно тремя перстами. Но что если двуперстно слагать знаменіе креста научила меня дорогая мнѣ мать, поясняя, что это слаганіе есть завѣтъ Церкви и предковъ, что, храня этотъ обрядъ, я чту ихъ память и, сохраняя уваженіе къ Церкви, привлекаю на себя благословеніе неба? Недаромъ, вѣдь, Богъ еще въ ветхомъ завѣтѣ проглаголалъ; „Чти отца твоего и мать“. Но можно ли чтить отца и мать, и плевать на бабу и дѣда, на ближнихъ и отдаленнѣйшихъ предковъ, если ученіе ихъ не отступало отъ ученія Церкви. Это я говорю, входя въ чувство каждой гражданки, дочери и матери. Теперь скажу, какъ императрица. Основаніе государственности есть семья, крѣпость семьи, почтительная преданность родителямъ, крѣпость всей совокупности семьи, крѣпость государства, благоговѣйное отношеніе къ памяти предковъ. Дозволимъ же ли мы кому-то ни было разрушить сію важнѣйшую изъ основъ государственности, бросая грязью и огненные стрѣлы въ вѣрованія, обычаи и въ справедливый обрядъ предковъ?

Преосвященные отцы! Вотъ вамъ мои два перста. Гг. сенаторы! Вотъ вамъ наше исповѣданіе Распятаго! Вотъ, я при всѣхъ васъ этимъ двуперстіемъ полагаю на себя знаменіе креста, полагаю твердо и истово, какъ крестились предки, какъ крестится теперь народный протестъ. Видѣли? Св. синодъ осмѣлится ли сказать, что я—еретичка, что я—раскольница, что я—противница Распятому и Его Церкви? Да, я против-

ница, я презрительница, но только не Христа и Его Церкви, а вашихъ, св. синодъ, безразсудствъ и вашего, отцы архипастыри, достойнаго проклятій собора 13 мая. А будучи сама исповѣдницею Распятаго, но презрительницею вашихъ и соборныхъ, и синодскихъ бредней, могутъ осуждать русскій православный народъ, осуждать старообрядчество, народный протестъ, который вы называете расколомъ? Гг. правительствующій сенатъ! Вотъ я во второй разъ крещусь двуперстно и съ симъ послѣ знаменіемъ вѣры въ Бога-Человѣка, съ этимъ символомъ любви къ Распятому, свидѣтельствую вамъ предъ Господомъ-сердцевѣдцемъ, что не допущу, чтобы въ имперіи, Всевышнимъ Промысломъ намъ ввѣренной, продолжать невѣжество, чтобы наше царствованіе и наше имя въ исторіи загрязнили безобразничества ихъ преосвященствъ. Крещусь въ третій разъ, въ третій разъ подтверждаю, что сіе наше намѣреніе будетъ нами исполнено, что не далѣе, какъ сегодня, и не позже, какъ въ это засѣданіе, русскій православный народъ получитъ полную свободу креста и обряда. Еще разъ обращаюсь къ вамъ, св. синодъ, уступите намъ, уступите доброму, любезно вѣрному намъ русскому народу его родное, отечественное и любезное имъ двуперстіе.

— Всемиловѣйшая государыня!—отвѣчаетъ синодъ.—Съ благоговѣніемъ выслушали мы твое исповѣданіе, со смиреніемъ обличенія въ глубинѣ своихъ собѣстей мы признаемъ и безъ колебаній исповѣдуемъ святость двуперстія. Но здѣсь, въ общемъ собраніи, съ сенатомъ мы обязаны разсуждать не только какъ пастыри, но какъ государственные дѣятели и администраторы. Прими во вниманіе, государыня, невѣжество и грубость русскаго народа. Ежели и можетъ что его обуздывать, то это одна сила и страхъ. Какую же силу и какой страхъ можетъ чувствовать народъ къ правительству, которое именемъ Бога и Его Церкви изреченныя повелѣнія обращаетъ въ ничто, повелѣнія, которыя честно и грозно содержалъ цѣлый рядъ правительствъ? Твоя

воля и твоя власть. Но, великая государыня, мы, все-россійскій синодъ, за себя и за всеѣхъ архипастырей россійской церкви, и настоящихъ и будущихъ, дерзаемъ тебѣ сказать, что не примемъ участія въ разрушеніи товою православной церкви и собственнаго твоего престола.

— Слышите, гг. сенаторы!—къ сенату обращаетъ рѣчь императрица.—По окончательному приговору архипастырей и церковь, и престоль рушатся, если мы окажемъ справедливость нашему вѣрному народу, окажемъ уваженіе къ тому, что для него и есть, и искони было священо; ежели мы, даровавъ ему свободу креститься двумя перстами, почтимъ его предковъ, а почтивъ предковъ, удесятеримъ силу и крѣпость государства. По словамъ св. синода, и церкви и престолу грозитъ разрушеніе, если мы будемъ управлять разумно, просвѣщенно, справедливо къ человѣчеству. По св. синоду, и церковь и престоль крѣпки только насиліемъ, проклятіями и смертельными казнями за слаганіе двухъ перстовъ и за молитву, и за именованіе въ молитвѣ Спасителя „Сыномъ Божіимъ“ и т. д. Я могла бы продолжать безконечно, но и нашъ языкъ и вашъ слухъ для нынѣшняго дня уже довольно натерпѣлись, теперь, гг. правительствующій сенатъ, извольте сказать намъ ваше мнѣніе.

— Всемиловивѣйная государыня!—отвѣчаетъ сенатъ.—Сіи три часа, въ которые слухъ нашъ преисполнился слышаніемъ твоихъ поистинѣ боговдохновенныхъ рѣчей, и сей день 15 сентября впишутся и на небесахъ и въ книгу жизни, и здѣсь, и на землѣ въ сердцахъ твоего народа и его исторіи. А въ объясненіяхъ и воззрѣніяхъ св. синода не находимъ ничего твердаго и основательнаго. А потому ты поступишь какъ истинная мать отечества, если всемиловивѣйшимъ манифестомъ, помимо св. синода, объявишь россійскому народу свободу креста и обряда, что ты уже обѣщала.

— Благодарю васъ, правительствующій сенатъ,—отвѣчаетъ государыня.—Благодарю за ваше рѣшеніе:

въ немъ выразилась и мудрость и попечительность о благѣ народа, всегда вамъ свойственная. Но мы не принимаемъ вашего рѣшенія. Правда, какъ императрица, какъ прирожденная самодержавная представительница русскаго народа въ дѣлахъ его церкви и государства, какъ самъ народъ, мы и Богомъ и народомъ облечены правомъ и властію устанавливать все для него полезное и освобождать его отъ всего ему несвойственнаго, и, прибавляю, принятіемъ предлагаемой вами мѣры мы придали бы необычайный блескъ и нашему царствованію и, что важнѣе, самому императорскому престолу. Но мы не желаемъ въ глазахъ народа унижить св. синодъ, это—за неимѣніемъ лучшаго,—высшее церковное учрежденіе, принявъ не только помимо его, но и прямо вопреки ему, мѣру неизмѣримо великой важности. Не желаемъ также положить на св. синодъ неизгладимаго пятна въ исторіи и, что считаемъ и того важнѣе, обнаружить предъ очами иноземцевъ внутреннюю нашу неприглядность. У насъ есть мѣра, которая не касается ни правъ, ни убѣжденій св. синода, а между тѣмъ даетъ намъ возможность исполнить сейчасъ данное нами обѣщаніе,—сегодня же дать вѣрному намъ русскому народу крестное слаганіе для крестнаго знаменія,—обѣщаніе, которое мы торжественно и трикратно подтвердили знаменіемъ креста, и, какъ вы видѣли, не синодское слаганіе перстовъ, слаганіе, навязанное нѣкогда русскому народу насиліемъ, невѣжествомъ и изуверствомъ, слаганіе, которое введено съ проклятіями изъ проклятій, истязаніями и смертельными казнями. Народу, любезному намъ русскому народу, не какъ невѣжественному и грубому, какъ думаютъ о немъ преосвященные отцы, дадимъ свободу обряда, въ которомъ такъ сердечно и глубоко, какъ ни въ одномъ изъ народовъ міра, развита вѣра во Христа и къ престолу. Мѣра эта, гг. сенаторы.—отмѣна государственной религіи и полная свобода вѣроисповѣданій. Секретарь, садитесь и пишите въ этомъ смыслѣ нашъ всемилостивѣйшій манифестъ.

— Всемиловѣйшая государыня!—бросившись на колѣна, возопили члены синода.—Что вы дѣлаете? Вы разрушаете и церковь и престолъ!

— Что это за церковь?—возражаетъ государыня.— Что это за церковь, которая только въ покровительствѣ, только въ мечѣ императоровъ знаетъ свое спасеніе и свою недолимость? Такъ вотъ, отцы, какова ваша церковь, а мы этого еще не знали! Не хочу быть въ вашей церкви. Я знаю Церковь единую, соборную, апостольскую; знаю Церковь, въ которой Господь Духомъ Своимъ Святымъ пребываетъ со Отцемъ и во вѣки пребудетъ, и которую не императоръ мечемъ своимъ, а Господь Духомъ Своимъ сохраняетъ и во вѣки сохранить неодолимою отъ вратъ адовыхъ. Да, сегодня я въ отечественную церковь увѣровала; увѣровала, что Господь и ее, какъ члена церкви вселенской, охраняетъ, а теперь меня св. синодъ ставить на мѣстѣ Христа и Святаго Духа, отъ меня, отъ нашего императорскаго меча, какъ папства, надѣется неодолимости свое церкви? Я сохраняю неодолимость церкви. Стало быть, я болѣе, я выше, я сильнѣе церкви! Нашему сердцу чужда эта преступная суетность. Развѣ не довольно намъ великой имперіи, чтобы благотворить человѣчеству. Зачѣмъ посягать намъ на Церковь, на достояніе Христово? Мало намъ нашей имперіи? Христосъ дастъ намъ Константинополь, быть можетъ, и весь Востокъ, если мы сохранимъ вѣрность ему. Я сильнѣе церкви; но если такъ, то, стало быть, сама я внѣ этой церкви. Вамъ, преосвященные отцы, съ вашей церковью хорошо за мной, за нашей спиной, за нашимъ императорскимъ мечемъ, а намъ-то каково? Какъ я-то, бѣдная, останусь безъ Церкви? Гг. сенаторы, въ какой церкви вы быть полагаете? Въ той ли, неодолимость которой охраняю я, или въ той, которую охраняетъ Христосъ? Если въ послѣдней, то приглашаю васъ вмѣстѣ искать, гдѣ она. Мы имѣемъ Церковь вселенскую, но непосредственно въ ней быть нельзя, непременно должна быть посредствующая, каковою до сего дня была

наша помѣстная, отечественная русская церковь! Но русская церковь раздѣляется на двѣ церкви: старую и новую. Новая церковь, старая церковь, а между тѣмъ обѣ россійскія? Какъ эти слова странны ушамъ, разительны для сердца! О, Провидѣніе! Озари ты наши умы и сердца въ сей священный для насъ часъ! О, Провидѣніе! Благодарю Тебя! Гг. сенаторы! Я всегда всѣмъ сердцемъ вѣровала Провидѣнію, и Провидѣніе сейчасъ не оставило насъ: оно показало намъ церковь и церковь ни какъ не новую, а, несомнѣнно, старую и притомъ отечественную, хотя и не синодскую. Вы сейчасъ слышали отъ представителей отечественной церкви, что неодолимость ея охраняють государи своимъ императорскимъ мечемъ. Но такую ли она была до учрежденія синода? Такая ли вѣра принята была нами, русскими, сначала? Никакъ! Стало быть, теперешняя наша государственная церковь есть новая. Когда же, съ какого момента она стала такою? Какая катастрофа и когда могла обрушиться на нашу древнюю церковь? Ужели такая громадная реформа могла совершиться безъ протеста, безъ борьбы, не оставивъ въ исторіи послѣ себя ни памяти, ни слѣда? Куда дѣвалась древняя наша церковь,—церковь, которую мы получили изъ рукъ просвѣтителя земли русской, которая не впадала въ Христорство, ставя у себя царей вмѣсто Христа, которая вѣровала во Христа, какъ въ своего Главу и Охранителя, которая поэтому была истиннымъ членомъ вселенской Церкви и, какъ членъ послѣдней, и сама была причастницею неодолимости, обѣщанной Господомъ? Гдѣ же нынѣ, гдѣ нынѣ наша древняя святая Мать? О, Провидѣніе! Благодарю Тебя, сугубо благодарю, нѣтъ, благодарю стократно, нѣтъ—тысячекратно, нѣтъ—до конца дней моихъ не перестану благодарить Тебя и помнить, что Ты въ сей день и часъ яркимъ свѣтомъ просвѣтило меня! Гг. сенаторы! Постараемся припомнить, не найдемъ ли мы въ прошедшемъ чего-нибудь похожаго на искомую катастрофу, а по ней какого-нибудь слѣда или слуха

о древней нашей Матери. Господа, вниманіе! Что такое нашъ расколъ? Что такое старообрядчество? Припоминаю событія и ихъ послѣдовательность. Русскій православный народъ искони крестился двуперстно. Не перечисляю другихъ обрядовъ. Все это было прекрасно, все превосходно, богоугодно и спасительно. Намъ не было надобности до обрядности грековъ, а равно и грекамъ до нашей. Обѣ церкви,—и греческая и наша,—жили въ мирѣ и общеніи. Восточные отцы, епископы, митрополиты, патріархи, бывая у насъ на Москвѣ, прославляли благочестіе Руси, сравнивая съ солнцемъ, освѣщающимъ вселенную. Но вотъ, съ восшествія на патріаршій престолъ Никона, начинаютъ наѣзжать на Русь греческіе и кіевскіе отцы. Посыпались сначала „зазиранія“ и „осужденія“ нашего до этого года для самихъ грековъ честнаго и святого двуперстія. За Никономъ послѣдовалъ собинный другъ его, государь Алексѣй Михайловичъ. „Зазиранія и осужденія“ превратились въ прямыя запрещенія. Затѣмъ послѣдовали анаѡема и проклятія; за ними—„тѣлесныя озлобленія“ или истязанія и наконецъ, гражданскія казненія, т.-е. смертельныя казни. Что же это значить? Значить, что эти „зазиранія“ встрѣтили въ русскомъ народѣ возраженія и негодованія, коими правительство и церковное, и—увы!—свѣтское пренебрегло. Этого мало. Правительство перешло на сторону чужеземныхъ агитаторовъ и авантюристовъ, правительство стало противъ своего народа и потребовало отъ него отреченія отъ двуперстія и стараго обряда, отреченія отъ свободы, отъ своего достоинства, отъ предковъ, отъ благочестія и народности. Правительство въ полномъ составѣ измѣнило отечеству и этой измѣны потребовало отъ народа. Народъ, разумѣется, воспротивился, а правительство и при этомъ не усмиреномудрилось и свои требованія поддержало церковными анаѡемами и проклятіями, на кои народный протестъ отвѣчалъ тѣмъ же, и справедливо. Ежели церковныя анаѡемы и проклятія расточаются безразсудно,

то онѣ перестаютъ быть святыми и церковными, а превращаются въ ругательства. Если просвѣщенные и преосвященные архипастыри первые обратились къ народу съ ругательствами, то можно ли винить народъ, если онѣ отвѣчалъ тѣмъ же? Да и не обязаны ли были архипастыри за свое безразсудство получить должный урокъ? Правительству еще не поздно было одуматься, усмиреномудриться, воротиться назадъ, примириться съ народнымъ двуперстіемъ и т. п. обрядами. Но не таковы были тогдашнія времена: вмѣсто исправленія собственныхъ ошибокъ, власть разсвирѣпѣла противъ протеста. Отъ Никона и ждать иного было нельзя.

„Когда я ѣхалъ въ Москву,—пишетъ въ прощальномъ письмѣ къ царю Алексѣю Паисій Лигаридъ, митрополитъ газскій,— то заранѣе восхищался тѣмъ, что увижу великаго Никона, но, приѣхавши въ первый разъ и увидѣвъ его, то почель счастливыми тѣхъ, которые, родившись слѣпыми, не испытали несчастья видѣть толикаго звѣрообразнаго человѣка“. Таковъ былъ Никонъ. Но не могу надивиться на царя Алексѣя Михайловича, надивиться его тупости, его бездушности и безсердечности. Никонъ и Алексѣй обрушились на народный протестъ истязаніями и смертельными казнями. Застонала русская земля отъ двухъ тирановъ: „святѣйшаго“ и „тишайшаго“. И этотъ-то порядокъ, такіа-то отношенія обоихъ правительствъ къ народу застаемъ мы по восшествіи на всероссійскій престолъ; на нашихъ глазахъ преосвященные архипастыри продолжаютъ свирѣпствовать, а расколъ крѣпнеть, несмотря на тиранія и ожесточенія.

Отцы архипастыри! Куда вы завели, до чего вы довели и куда ведете вы свою отечественную церковь, Россійскій православный народъ и насъ?

— Великая Государыня,—послышался голосъ со стороны синода,—истязанія нисколько не въ нашихъ рукахъ, это не мы, а прежде бывшія правительства.

— Какъ?—возражаетъ императрица.—А актъ 15 мая 1722 г., развѣ, не ваше дѣло? А тѣлесныя озлобленія и гражданскія казненія, развѣ, не вы освящали соборными опредѣленіями, и государи, развѣ, не по вашимъ внушеніямъ и не по вашимъ усиленнѣйшимъ настояніемъ ополчались противъ своего народа истязаніями и казнями? О, государи и прежніе и будущіе! Вотъ вамъ аттестатъ за ваше сообщничество съ изувѣрами, палачами и злодѣями! Но, гг. сенаторы, вотъ вопросъ: благодать и истина Господня могутъ ли быть тамъ, быть въ той церкви, въ которой стоятъ на мѣстѣ святителей, палачи и кровопійцы. Можетъ ли быть Христосъ тамъ, гдѣ свирѣпствуютъ толикія злодѣйства? Остановимся на минуту. И „зазиранія и осужденія“ и запрещенія, и проклятія, все это было — и немислимо, и безразсудно, и преступно; но все же еще борьба не выходила изъ предѣловъ церковныхъ. Но когда власти, и церковная и свѣтская, взяли за истязанія и казни, тогда, очевидно, борьба вышла изъ предѣловъ церковныхъ, тогда власти стали внѣ церкви. Правда, за властями и соборомъ волей-неволей пошло и большинство народа, всѣ же прочь отъ церкви пошли; и это большинство—архипастыри и государи. Но куда мы дѣнемъ протестъ, который не трогался съ мѣста и по этому одному заслуживаетъ вниманіе и уваженіе. Истязаній и казней нѣтъ у Христа, не должно быть ихъ и въ Его Церкви. Христосъ на это не уполномочилъ апостоловъ и ихъ преемниковъ. Стало быть, за истязаніями и казнями архипастыри обратились не ко Христу, а къ царю Алексѣю, приглашая его охранять впредь, на мѣсто Христа, неодолимость россійской церкви, а Алексѣй имѣлъ слабость и безразсудство согласиться на это. И куда, куда уйдемъ мы отъ вопроса: гдѣ же, на которой изъ этихъ двухъ сторонъ остался Христосъ? На обѣихъ онъ, разумѣется, быть не можетъ. Очевидно, на сторонѣ протеста; какъ и зачѣмъ остался бы онъ въ государственной церкви, когда и царь, и архипастыри

съ безчестіемъ вонъ изъ нея его выпроводили! Надѣюсь, господа, что теперь вы ясно поняли, куда, почему и для чего мы намѣрены и сами идти, и васъ приглашаемъ.

Но, гг. сенаторы! Догадываюсь о вашемъ смущеніи. Вамъ кажется, что, приглашая васъ воротиться къ старой Церкви, мы совращаемъ васъ въ расколь. Обязана объясниться. Всего, сейчасъ сказаннаго нами о церкви не слѣдуетъ понимать буквально; церковью, въ которой быть не хочу, называю я то представленіе, какое составили о церкви архипастыри. Мы же желаемъ той Церкви, какою она быть должна и какою быть ей требуетъ народный протестъ; прямѣе и яснѣе, мы желали бы въ нашей господственной церкви возстановить все то, безъ чего Церковь не можетъ быть истинно Христовой, не можетъ быть созидательницею государства и хранительницею престола; возстановить то, что у ней когда то непремѣнно было, то что утрачено ею въ несчастныя для нея времена по безразсудству архипастырей и по звѣрствамъ Никона, и по легковѣрности и безсердечности Алексѣя Михайловича; но въ обязанность вмѣняемъ себѣ ничего не скрывать отъ васъ, гг. сенаторы, слѣдовательно, не скрываю и другихъ государей. Попробую разрѣшить эту, признаюсь, не малую для васъ задачу. Мы въ этомъ вопросѣ, такъ сказать, пойдемъ оцущью. Если бы намъ, господа, нужно было возстановить какой-нибудь древній храмъ, лежащій въ развалинахъ, засыпанный до половины мусоромъ и густо заросшій дикими растеніями, то прежде всего намъ слѣдовало бы расчистить входъ въ этотъ храмъ, а затѣмъ, по мѣрѣ расчистки отъ наростовъ, распознавать внутреннее устройство храма, назначеніе и размѣры каждой его части и т. д. Мы такъ и сдѣлали. Зданіе наше великой церкви (ибо о ней рѣчь) мы освободили отъ вѣкового мусора и отъ безобразившихъ ее пристроекъ и наростовъ, въ видѣ обрядовыхъ запретовъ и клятвъ соборныхъ, въ Алексѣевы годы произносимыхъ, и далѣе въ видѣ опредѣленій синода 15 мая 1722 года и цѣлаго ряда

въ этомъ направленіи совершонныхъ фактовъ и актовъ. Теперь, когда обозначился предъ нами фасадъ этого зданія, заглянемъ въ его внутренность и постараемся по разнымъ признакамъ догадаться, какова была у насъ церковь до перестройщиковъ ея—Никона и Алексѣя,—носительница благодати и истины, народу учительница, государству собирательница, созидательница и объединительница, престолу крѣпость и слава. Сущность идей этой церкви было: сущная союзность и единность живая, дѣятельная и твердая. Чѣмъ этотъ сердечный союзъ былъ крѣпокъ? Правильностью отношеній къ народу государей и архипастырей, справедливостью, сердечной участіемъ къ его нуждамъ, уваженіемъ къ его народности и свободѣ, къ свободѣ въ церковномъ отношеніи, всей сполна и безъ урѣза въ государственномъ; по мѣрѣ возможности, въ частности, народъ требовалъ отъ архипастырей благочестія и святости, отъ государей внимательнаго блюденія, чтобы гармонія взаимно-свободныхъ отношеній въ церкви между народомъ и архипастырями не нарушались.

Но вотъ насталъ Никонъ; признаюсь, личность возбуждающая во мнѣ отвращеніе. Счастливіе бы была, если бы не слыхала о имени его. Онъ началъ реформировать свою церковь, перестраивать ее по своему. Какія же начала вложилъ онъ въ основу своихъ перестроекъ? Безусловное подчиненіе народа духовенству, духовенства—архипастырямъ, архипастырей—патріархамъ. Подчинить себѣ пытался Никонъ и государя: онъ хотѣлъ сдѣлаться папой. Порабощеніе народа ясно сказывается въ насильственномъ отнятій у него обряда его предковъ, поддержанномъ клятвами, истязаніями и казнями; порабощеніе архипастырей—въ незаконномъ единоличномъ низложеніи епископа коломенскаго Павла и глубочайшей тайной прикрытаго умерщвленія его; порабощеніе государей—внѣдреніемъ въ нихъ убѣжденія, яко бы они обязаны мечемъ своимъ служить всевластительскому папѣ-патріарху, мечемъ смирать

непокореніе папѣ-патріарху народа и епископовъ. Что же вышло? Народъ возсталъ за древнюю, подъ видомъ обряда Никономъ окончательно разрушенную, апостольскую церковность, и за древнюю сердечную мзаимно единость, основанную на вѣрѣ, благочестіи, любви и свободѣ. Возсталъ противъ соединенія въ лицѣ патріарха обѣихъ властей и епископа и царя. Никонъ внесъ смуту и раздѣленія въ отечественную мирную до него и цѣлостно единую церковь. На одной сторонѣ стали архипастыри съ своими реформами и насиліемъ, съ своими триперстіемъ и проклятіями, а съ другой— народъ съ обычною всѣмъ народамъ инстинктивною наклонностью охранять все унаслѣдованное отъ предковъ, а прежде и паче всего свободу. Извѣстный обрядъ, какъ и всякій предметъ, даже обрядъ православный, богоугодный и спасительный, но въ рукахъ насильныхъ и жестокихъ властей ставшій поводомъ и орудіемъ порабощенія народа, становится ему ненавистнымъ, какъ знамя и символъ его порабощенія. Входимъ въ чувства народа, таковымъ для послѣдняго должно быть и триперстіе, навязанное намъ греками при помощи проклятій, истязаній и смертельныхъ казней. Для народа оно стало символомъ порабощенія, для архипастырей—знакомъ его побѣды и торжества надъ народомъ. Ежели перенесемъ на тотъ моментъ, когда совершались реформы и заглянемъ въ совѣсть каждаго изъ тѣхъ, кому пришлось отечественное двуперстіе мѣнять на указанное триперстіе, то въ большинствѣ увидимъ невѣжество, которое прямодушно повѣрило реформаторамъ, будто двуперстіе есть обрядъ погрѣшительный, неправославный, небогоугодный и неспасительный, и благодушно послѣдовало за правительствомъ, затѣмъ—покорность изъ страха истязаній; то не похвально, а это уже совсѣмъ предосудительно. Теперь разберемъ, къ которому изъ этихъ разрядовъ принадлежитъ предокъ каждаго изъ насъ, господа. Перемѣнившимъ двуперстіе на триперстіе, во всякомъ случаѣ не думаю, чтобы

можно было каждому изъ насъ гордиться его доблестью, и если при этомъ припомнимъ, какая идея была соединяема со введеніемъ триперстія, то поймемъ и смыслъ, и правость, и неодолимость, поймемъ родной протестъ и предупрежденія противъ триперстія и непріязни его къ тѣмъ, кого зовутъ „щепотниками“. Наконецъ, Никонъ внесъ разладъ и раздѣленіе между народомъ и престоломъ; до него государи были отцами своего народа, самодержавными охранителями православныхъ на любви и свободѣ, на единости престола съ народомъ въ вѣрности вѣры отцовъ, въ вѣрности обрядовъ и обычаевъ предковъ, основателей отношеній государей къ ихъ народу. Никонъ изъ Алексѣя царя-отца сдѣлалъ тирана и истязателя своего народа. И какого народа? Подобно которому по преданности къ царю своему нѣтъ другого въ мірѣ. Что Алексѣй сдѣлалъ изъ своего народа? Народъ сталъ видѣть въ своихъ царяхъ антихристовъ, и мы его не винимъ: народъ подлинно испыталъ на себѣ руку послѣднихъ. И для чего все это? Для чего Алексѣй измѣнилъ своему народу, измѣнилъ еще недавнему, еще памятному избранію народомъ отца его въ царя Россійской земли, измѣнилъ общимъ обязанностямъ всѣхъ царей? Чтобы угодить другу своему Никону, чтобы покорить подъ ноги его и іерарховъ и духовенство и народъ, и затѣмъ чтобы изъ него и будущихъ патріарховъ создать враговъ престолу и самодержавію. Удивляюсь царю Алексѣю, его недалновилности: идетъ за Никономъ, какъ провинившійся мальчишка за готовящимся его высѣчь учителемъ! Вотъ заслуга никоновской реформы предъ престоломъ и самодержавіемъ! Государство не могло и не должно терпѣть надъ собой въ пастыряхъ второго великаго государя, и первый, кто объ этомъ догадался, былъ сынъ этого Алексѣя. Петръ Великій замѣнилъ патріарха синодомъ. Можетъ быть мы этого не сдѣлали бы, прямо говорю, ибо патріархи могли существовать; но государственная власть имъ не надлежитъ. Я бы этого не сдѣлала.

Но вотъ предъ нами св. синодъ. Что же это за институтъ. Мы слышали сейчасъ, какъ онъ насъ, императрицу, ставить въ своей церкви на мѣсто Христа, въ насъ, въ нашемъ императорскомъ мечѣ уповая найти общанную Христомъ неодолимость.

Поймите, св. синодъ еще не знаетъ насъ, не знаетъ, въ чемъ мы видимъ крѣпость и силу нашего царствованія; еще не знаетъ, какъ мы относимся къ притязаніямъ нѣкоторыхъ государей, ихъ императорскимъ мечамъ. Св. синодъ еще не знаетъ, какъ мы относимся къ этому громаднаго значенія дѣянію, образцоваго между царями, Алексѣя и къ дѣланію вливающего въ народной организмъ превратностей бездушнаго и безсердечнаго института. Св. синодъ еще не знаетъ, какъ несвойственно нашему уму и сердцу, какъ мерзить нашей душѣ убивать въ народѣ духъ и жизнь, совѣсть, смыслъ и свободу. И вотъ онъ, синодъ, при первой встрѣчѣ съ нами уже спѣшитъ предложить намъ быть его провидѣніемъ и сохранять неодолимость. Чѣю неодолимость? Да старинныхъ „зазираній“, осужденій, истязаній и смертельныхъ казней, и все это противъ двуперстія и тому подобныхъ староотечественныхъ обрядовъ, словомъ охранять неодолимость и старыхъ и нынѣшнихъ нелѣпостей. Синодъ возводитъ насъ въ свое провидѣніе, въ провиденіе своей церкви! Такъ вотъ для какихъ услугъ приглашаетъ насъ этотъ коллегіумъ. Но кто рѣшится принять такой сюрпризъ? Чего же ждать церкви отъ этого лишеннаго жизни и мѣртващаго института, которому вручена вся власть царя; но объ этомъ не сегодня.

„Вы, — говоритъ намъ св. синодъ, — разрушаете церковь!“ Гг. сенаторы! Мы только частію обозрѣли зданіе церкви, только частію уразумѣли, что такое церковь и что такое требуется отъ церкви великаго народа, чтобы она подлинно была Церковью. Но вы уже догадываетесь, что наша отечественная церковь лежитъ въ развалинахъ, если въ церкви нашей что еще и оста-

лось живого и берегущаго ея жизнь, то это чуть ли не одинъ народный протестъ. Ясно, что архипастыри сбиваютъ насъ съ толку, стращая разрушеніемъ церкви, самими ими давно разрушенной.

„Вы,—говорить намъ святѣйшій синодъ,—разрушаете престоль!“ Но, господа, мы уже видѣли, какія услуги престолу оказало россійское архипастырство со времени Никона, какую пропасть изрыло оно между престоломъ и народомъ. Все то, что въ тѣ времена было въ русскомъ народѣ лучшаго, великодушнаго, живого, энергичнаго, все стало на сторону протеста. А послѣдовавшіе за Никономъ государи обременили себя легковѣріемъ, а народъ заставили видѣть въ нихъ тирановъ и, какъ сказали мы,—антихристовъ.

Господа! Для васъ ясна правость протеста. Совѣсть сама говоритъ вамъ, что не новая, не синодская церковь, а народный протестъ остался на мѣстѣ, что не протестующій народъ, а архипастыри, пренебреженіе народнымъ протестомъ, лишившіе послѣдняго своего общенія, сами стали раскольниками, и что, наконецъ, всѣ обвиненія возводимыя на старообрядчество, все ложь клевета, внушаемая злобою оскорбленной гордости архипастырей. Но васъ, быть можетъ, смущаетъ мысль: если народный протестъ правъ, то какъ же Христось покинулъ его, оставивъ безъ единаго епископа и, слѣдовательно, внѣ церкви, тогда какъ сторона смутниковъ и раздорниковъ, оставаясь съ іерархіей, имѣютъ права носить имя церкви? Какимъ образомъ Господь, вопреки обѣщанію пребывать съ вѣрными ему, покинулъ подлинныхъ носителей церковности и, слѣдовательно, вѣрныхъ ему, истинныхъ стоятелей за самую Церковь, и такимъ образомъ, какъ бы допустилъ вратамъ ада одолѣть? О, Провидѣніе! Благодарю, благодарю, благодарю Тебя! Смущеніе ваше, гг. сенаторы, надѣюсь разъяснить краткими словами. Оставивъ свой протестъ безъ епископа, Господь не покинулъ его. Во-первыхъ, протесту онъ пре-

доставилъ честь сохранить неодолимость своей невѣсты, россійской церкви, нашей святой Матери. Не будь протеста, церковность русской церкви навсегда представила бы міру зрѣлище совершенныхъ развалинъ, въ которыхъ ее нынѣ видимъ. Хотя церковность ея и распалась, хотя и лежитъ въ развалинахъ, но пока не убитъ, пока живъ народный протестъ, никто не имѣетъ права сказать, что церковь россійская совершенно пала, совершенно перестала жить. Погрѣшила не она, не россійская церковь, которая есть членъ святой апостольской Церкви, а согрѣшила одна ея іерархія. Во-вторыхъ, вся іерархія пала, практически вѣрнымъ церковности остался одинъ народъ и даже только часть народа. Поняли ли вы, господа, все значеніе, все достоинство, всю святость великаго народнаго старостоянія, громадность его заслуги передъ нашей отечественною церковью и Церковью вселенскою? Да, народъ простой, необразованный народъ даетъ величайшій урокъ въ церковности своему архипастырству: послѣднее оказывается упрямымъ и злымъ; на протестъ сыплются проклятія, истязанія и казни; а онъ, народъ,—подивитесь, господа сенаторы,—стоитъ твердо, непоколебимо цѣлые вѣка! Зрѣлище, поражающее своимъ величіемъ, зрѣлище, достойное не земли, а неба. Адъ и Христосъ въ нашей отечественной русской церкви стоятъ въ открытой борьбѣ: за первымъ вся мощь, вся злоба, всѣ козни міра въ лицѣ духовныхъ правительствъ, въ лицѣ обманутыхъ царей и архипастырей; за вторымъ—безмолвное терпѣніе и терпѣливое безсловіе. Кто въ этой борьбѣ одолѣетъ? Я не была бы искренно вѣрующею дочерью Церкви, я была бы недостойна великаго народа русскаго, носящаго имя святой Руси, если бы на минуту усумнилась въ побѣдѣ Христа, въ побѣдѣ народа, въ побѣдѣ протеста, въ побѣдѣ старообрядчества. О, Провидѣніе! Пусть обманутые архипастырями цари съ самими архипастырями удесятерятъ злобу и козни свои, пусть эта борьба, борьба между исконнымъ зломъ и вѣчнымъ доб-

ромъ, между адомъ и небомъ, продолжится еще на сто, еще на двѣсти лѣтъ. Чѣмъ тягчая испытанія, чѣмъ продолжительнѣе страданія, тѣмъ внушительнѣе побѣда, тѣмъ памятнѣе и поучительнѣе урокъ, тѣмъ блистательнѣе слова Христа, Церкви и протеста... Но только, гг. сенаторы, мы за себя ручаемся, что не будемъ орудіемъ ада противъ любезно-вѣрнаго намъ народа, противъ голоса великой россійской церкви, противъ Христа.

Поняли вы, наконецъ, гг. сенаторы, что значить рѣшительность уйти изъ синодской исповѣдуемой казенной церкви и искать старую, что все вамъ показалось приглашеніемъ идти за нами въ расколъ? Это значить присоединиться къ протесту, разумѣется, присоединиться къ протесту противъ разрушенія задуманной союзности между народомъ, между престоломъ и архишастырями. Мы возстановимъ въ нашей великой церкви все, что разрушено въ ней въ варварскія, несправедливыя насильственныя времена, все, что разумѣемъ мы въ истинно древней Христовой и апостольской, православной католической церковности. Мы безвозвратно на всѣ времена утверждаемъ право каждому вѣрноподданному слагать персты для крестнаго знаменія, какъ ему угодно, а каждой православной приходской общинѣ употреблять въ ея приходскомъ храмѣ тотъ изъ обрядовъ, который ей любезенъ. За каждой приходской общиной и епархіей мы утверждаемъ право выбрать по сердцу пастыря, полагать на него обязанность наблюдать за исполненіемъ требованій, отвѣты за каждый его шагъ, а въ случаѣ упорнаго уклоненія отъ обязанностей, удалять или смѣщать по своимъ приговорамъ. Только такихъ пастырей мы будемъ знать, какъ истинныхъ пастырей и подлинныхъ представителей ихъ общинъ и епархій.

Тогда-то, гг. сенаторы, намъ можно будетъ управлять народомъ, Провидѣніемъ ввѣреннымъ намъ. Народная жизнь въ начальныхъ, элементарныхъ ея проявленіяхъ будетъ

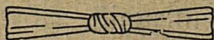
расти, цвѣсти и приносить плоды сторицею подь святымъ и животворящимъ пѣстунствомъ Самого Христа и Его Церкви, которая тогда будетъ матерью, и кормилицею и нянькой народа, а пастыри ея—и попечителями, и учителями, и судьями, и отцами. Тогда-то сердечный союзъ между народомъ и престоломъ, союзъ, указуемый самой натурой вещей, союзъ между Церковью и государствомъ, Самимъ Господомъ заповѣданный и благословляемый только въ Россійской имперіи, только между русскимъ православнымъ народомъ и его царями возможно осуществиться на радость небесамъ, на удивленіе міру и на страхъ нашимъ врагамъ!

— Великая государыня!—отвѣчаютъ члены синода.—Самъ Богъ говоритъ твоими устами, преклоняемся предь верховностью твоихъ уроковъ. Содрагаемся послѣдствій, но уступаемъ двуперстіе твоей непреклонной волѣ. Твоя непреклонная рѣшимость на крайнія мѣры будетъ намъ оправданіемъ предь нашей совѣстью и церковью, и потомствомъ. Но, государыня! Забудь, забудь о свободѣ исповѣданій, забудь обо всемъ, что мы сегодня отъ тебя выслушали, дозвожь и намъ забыть все это.

— Благодарю васъ, преосвященные отцы! Со временемъ поймете, какую услугу церкви, государству и престолу оказали вы вашимъ согласіемъ. На этотъ разъ принимаю отъ васъ для нашего народа одно двуперстіе. Все остальное до времени оставляю на успѣхъ вашихъ совѣстей. Высоко держите свое знамя, свое дорогое 13 мая 1667 года. Мы желали бы, чтобы подвиги ваши въ этомъ направленіи, хотя по временамъ, дѣлались намъ извѣстными; особенно занимаетъ насъ опредѣленіе вашего собора о Ісусовой молитвѣ. Увѣряемъ васъ, что каждый разъ, какъ только будемъ слышать о подвигахъ вашихъ, веселость будетъ облетать до насъ отъ кабинета и гостиной до самыхъ прачечныхъ. Но забыть сказаннаго нами не дозволяемъ. Напротивъ, гг. сенаторы!

Прошу каждого изъ васъ сохранить память о сегодняшней нашей конференціи, чтобы намъ самимъ напомнить о ней, если бы намъ когда-нибудь, паче чаянія, измѣнила память. Секретарь, пишите:

„На общей конференціи сената и синода 15-го сентября 1763 года опредѣлено (есть): тѣхъ, кои церкви Божіей во всемъ повинуются (есть), въ церковь Божію ходятъ (есть), отца духовнаго имѣютъ (есть) и всѣ обязанности христіанскія исполняютъ, а только двуперстнымъ сложеніемъ крестятся (есть), таинства ея не лишать (есть), за раскольниковъ не призывать (есть) и отъ двойного подушнаго оклада освобождать“ (есть).

„ПОМОРСКІЕ ОТВѢТЫ“.

Это замѣчательнѣйшее произведеніе старообрядческой литературы было напечатано впервые за границей въ 1884 г. Изданіе это давно все распродано и составляетъ библиографическую рѣдкость. За него платили 10—15 р., теперь же нельзя его достать и за болѣе высокую цѣну. Нужно, однако, сказать, что „Поморскіе Отвѣты“ заграничнаго изданія напечатаны съ сокращеннаго списка **Отвѣтовъ**. Этотъ списокъ почти наполовину сокращенъ противъ подлинника. Выпустивъ новое изданіе „Поморскихъ Отвѣтовъ“, братское книгоиздательство **напечатало ихъ со списка, провѣреннаго по подлиннику**, по тому самому, который былъ представленъ синодальному миссіонеру іеромонаху Неофиту за подписью выборныхъ отъ выговскихъ (поморскихъ тоже) пустынно-жителей. Въ этомъ изданіи сохранены всѣ особенности выраженной подлинника, оно воспроизведено слово въ слово, буква въ букву съ оригинала. Такимъ образомъ, „ПОМОРСКІЕ ОТВѢТЫ“ вышли изъ печати въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ-подъ талантливаго пера знаменитыхъ старообрядческихъ писателей, братьевъ Денисовыхъ, обезсмертившихъ свое имя этимъ дивнымъ твореніемъ. Напечатаны „Поморскіе Отвѣты“ четкимъ, но убористымъ, красивымъ славянскимъ шрифтомъ. Несмотря на большія затраты по изданію „Поморскихъ Отвѣтовъ“ и провѣркѣ ихъ по подлиннику, братское книгоиздательство, заботясь исключительно о широкомъ распространеніи старообрядческой литературы, назначило цѣну этому капитальному изданію

3 рубля.

Деньги и заказы адресовать:

Москва, Б. Кеменчики, Старообрядческому Братству Честнаго Креста.

СВЯТООТЕЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

собранный старообрядческимъ епископомъ Антоніемъ Пермскимъ.

Это—цѣнный вкладъ въ старообрядческую литературу. „Святоотеческій Сборникъ“ есть трудъ нѣсколькихъ старообрядческихъ писателей. Въ немъ разсмотрѣны почти всѣ существенные вопросы, выдвинутые церковною жизнью старообрядчества за 2½ столѣтія. Вотъ содержаніе 27 главъ, изъ которыхъ состоитъ „Святоотеческій Сборникъ“.

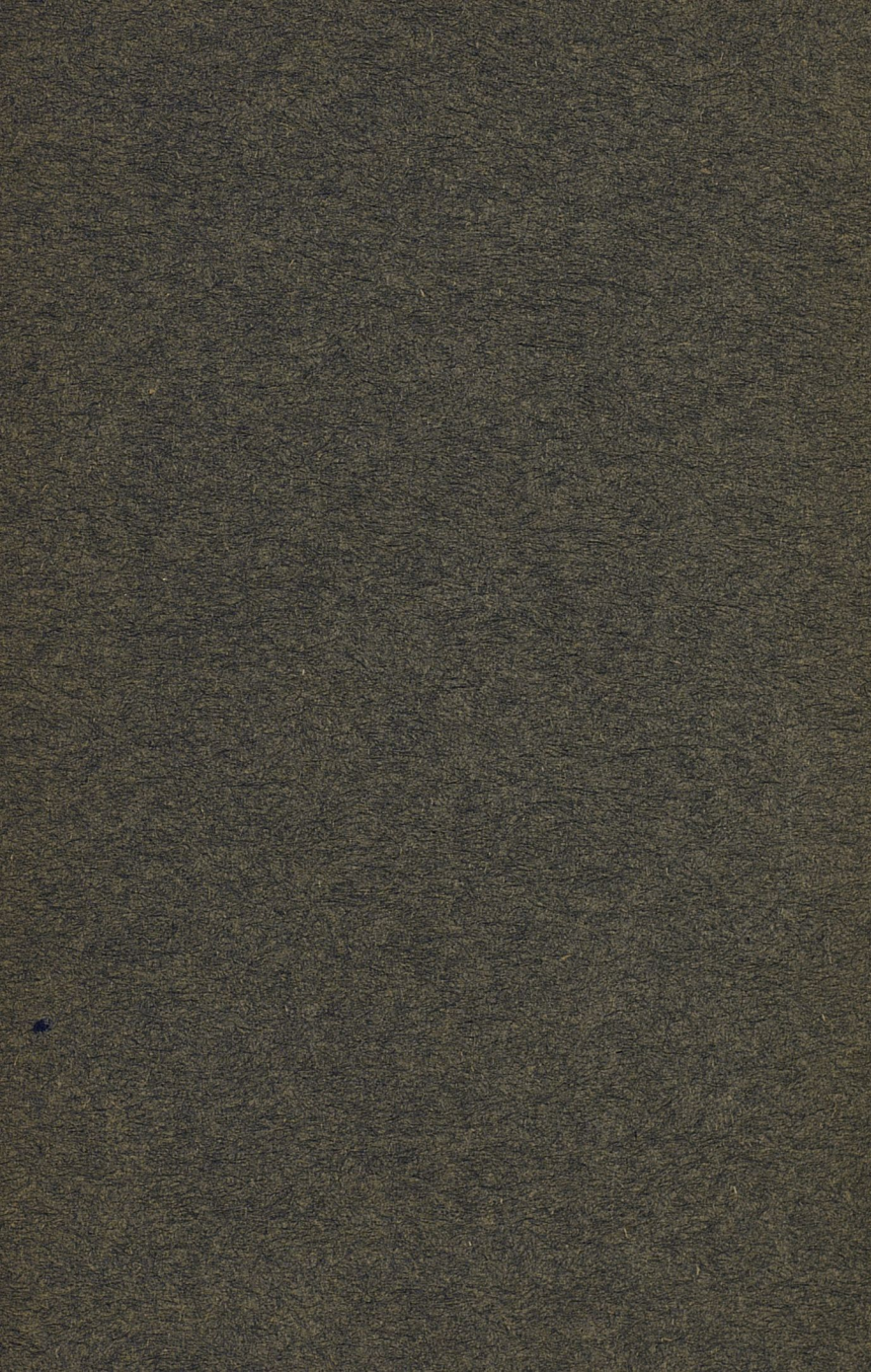
1-я глава. Бесѣда о пророкахъ Иліи и Енохѣ. **2-я глава.** Объ антихристѣ. **3-я глава.** О вѣчности Христовой Церкви, священства и таинствъ. **4-я глава.** О существѣ Церкви, что есть Церковь соборная и какое она имѣетъ значеніе. **5-я глава.** Въ Церкви нѣтъ благодати Святаго Духа и потому тамъ нельзя получить спасеніе. **6-я глава.** О власти епископской. **7-я глава.** Благодать дѣйствуетъ и чрезъ недостойнаго священника, священно-дѣйствующаго по волѣ епископской. **8-я глава.** О таинствахъ церковныхъ. **9-я глава.** Почему познаются еретики. **10-я глава.** Объ юнитахъ. **11-я глава.** Въ чемъ заблуждается господствующая церковь. **12-я глава.** Отъ еретиковъ должно удаляться. **13-я глава.** О паденіи епископовъ и о бѣдствіи и страданіи гонимой Христовой Церкви. **14-я глава.** О вдовствѣ святой Христовой Церкви. **15-я глава.** О возстаніи епископовъ изъ нечестія въ благочестіе. **16-я глава.** Вопросы недоумительные объ епископской власти. **17-я глава.** Можетъ ли іерей принять епископа, отъ ереси приходящаго. **18-я глава.** Можетъ ли епископъ отъ митрополита или священникъ отъ епископа отступитъ? **19-я глава.** Раздѣленіе еретиковъ на три чина. О еретикахъ перваго чина; ихъ образъ принятія. **20-я глава.** О еретикахъ втораго и третьяго чина, ихъ образъ принятія. **21-я глава.** Крещенныхъ во Святую Троицу перекрещиваютъ одни только еретики. **22-я глава.** Отъ еретиковъ втораго и третьяго чина, хотя бы они были осуждены и извержены, хиротонія принимается. **23-я глава.** Вдовство святой православной Церкви въ Антиохіи, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ, было прекращено обратившимся отъ аріанской ереси епископомъ Мелетіемъ. Непризнавшіе его епископомъ за сіе сдѣлались еретиками люциферіанами. **24-я глава.** Бесѣда І. К. Перетрухина съ нѣтовцемъ. А. А. Коноваловымъ (слѣпцомъ) о крещеніи греческой церкви и митрополита Амвросія. **25-я глава.** Бесѣда старообрядца, приемлющаго Хриstopреданное священство чрезъ митрополита Амвросія, съ миссіонеромъ господствующей церкви объ уклоненіи епископовъ въ ересь при Никонѣ и небытіи 180 лѣтъ православныхъ епископовъ. **26-я глава.** Бесѣда старообрядца, приемлющаго священство, съ наставникомъ безпоповцевъ о томъ: могутъ ли епископы, рукоположенные въ ереси, при обращеніи ихъ въ истинное православіе, оставаться въ сущихъ санахъ чрезъ принятіе ихъ меньшимъ по сану лицомъ, т. е. священникомъ? **27-я глава.** Виновень ли митрополитъ Амвросій въ грѣхѣ симоніи?

Одинъ перечень главъ изданной епископомъ Антоніемъ книги показываетъ, насколько она важна для каждаго старообрядца и особенно для старообрядческихъ начетчиковъ и священно-служителей. По богатству матеріала она превосходитъ всѣ вышедшія доселѣ изданія старообрядческой литературы. Книга набрана тремя шрифтами. Тексты, взятые изъ старопечатныхъ книгъ, набраны славянскимъ шрифтомъ, взятые изъ первоной святоотеческой и исторической литературы, набраны курсивомъ, авторскія поясненія и разсужденія набраны корпусомъ. Читателю поэтому сразу видно, кому принадлежитъ та или иная рѣчь въ книгѣ. Напечатана книга на хорошей бумагѣ, имѣетъ форму старинныхъ изданій,—въ видѣ квадрата.

Цѣна книги 2 р. 50 к. безъ пересылки.

ДЕНЬГИ и ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ:

МОСКВА, Б. Каменцки, Старообрядческому Братству Честнаго Креста.

Цѣна 15 коп.

Выписывать по адресу:

*Москва, Б. Каменщики, Старообрядческому
Братству Честнаго Креста.*

Отсюда можно выписывать всѣ изданія старообрядческой литературы и всѣ богослужебныя книги.

2007341406